

И.М. КЛЯМКИН

**РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
МАРКСИЗМ
ПРОТИВ
МЕТОДОЛОГИИ
РЕВИЗИОНИЗМА
И
ЦЕНТРИЗМА**

**ПРОБЛЕМА
ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕОРИИ И МЕТОДА
МАРКСИЗМА
В КОНЦЕ XIX-
НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

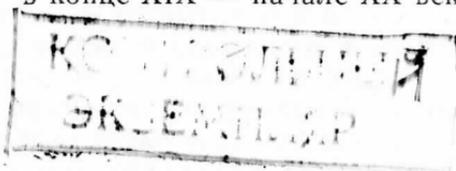
88-5
1872a

И. М. Клямкин

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАРКСИЗМ ПРОТИВ МЕТОДОЛОГИИ РЕВИЗИОНИЗМА И ЦЕНТРИЗМА

Проблема творческого развития
теории и метода марксизма
в конце XIX — начале XX века

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1988

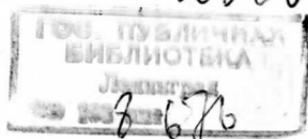
В монографии рассматриваются философско-методологические основы теорий империализма Э. Бернштейна, К. Каутского, а также направленной против их взглядов концепции Р. Люксембург. Последовательно сопоставляются названные теории и их методологические основы с ленинской теорией империализма и ленинской методологией. Показана несостоятельность попыток современных западных авторов найти в идейном наследии II Интернационала теоретическую опору для борьбы с марксизмом-ленинизмом.

Для научных работников, преподавателей, всех интересующихся историей марксистской философии.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Научный редактор —
д-р филос. наук, проф. Н. И. Азаров

Рецензенты:
д-р филос. наук С. М. Брайович,
д-р филос. наук, проф. И. К. Пантин

К 0302020000-055
M174(03)-88 1-88

ISBN 5-7455-0001-8

© Издательство
Воронежского университета, 1988

Глава третья

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ НА ПУТИ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОСВОЕНИЮ НОВОЙ ЭПОХИ С ПОЗИЦИЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

---

1. В ЗАЩИТУ СТИХИЙНОСТИ

Как известно, II Интернационал не был однородным идейно-политическим образованием. Наряду с ревизионизмом и каутскианским центризмом в нем существовало левое, революционное крыло. Наиболее крупным среди теоретиков этого крыла в западноевропейской социал-демократии была Роза Люксембург. Одной из первых выступила она на рубеже веков против бернштейнианства с яркой, энергичной и глубокой критикой. А в 1910 г. в знаменитом споре о массовой политической стачке Роза Люксембург публично отмежевалась от Каутского. С тех пор она — среди самых непримиримых оппонентов каутскианства по всем вопросам, поставленным в повестку дня реальностями империалистической эпохи.

Опыт творческого развития теории в новых условиях, предпринятые Розой Люксембург попытки теоретического преодоления ревизионизма и централизма с революционных позиций интересны и поучительны. Они показывают, что взгляды лучших представителей левого крыла европейской социал-демократии развивались в направлении ленинизма. Они показывают вместе с тем и сложность, противоречивость этого развития, его незавершенность в ряде принципиальных вопросов, что имело свои причины, причем не только субъективные.

В соответствии с принятой нами логикой изложения анализ теоретических воззрений Р. Люксембург на факты и явления новой эпохи начнем с рассмотрения ее взглядов на процессы, происходившие в рабочей среде (дифференциация по материальному положению, уровню организованности и т. д.). Ее отношение к этим процессам принципиально отличалось от отношения Каутского. Правда, различия выявились не сразу.

Во времена дискуссий с ревизионистами на рубеже столетий точка зрения выдающейся революционерки еще довольно близка к точке зрения Каутского со всеми ее плюсами и минусами. Очень близка к пониманию Каутского трактовка Розой Люксембург особенностей английского рабочего движения и его отличий от немецкого¹. Как и Каутский, она, в противовес ревизионистам, отстаивает мысль о единстве про-

летариата в качестве исторического субъекта, исходит из того, что социал-демократия, «в противоположность различным разрозненным группам и слоям пролетариата представляет пролетариат в целом»². Как и у Каутского, формула эта у Люксембург носит весьма жесткий характер; ее мышление тоже закрыто для восприятия возможного раскола рабочего класса на революционный и реформистский³, что скажется на ее последующей деятельности. И все же одна и та же форма теории у Каутского и Люксембург в ходе развития превратилась в две совершенно различные концепции.

Можно ли, однако, обнаружить зародыши будущих различий уже в это время? Можно, хотя намечены они еще крайне слабо.

Во-первых, у Люксембург мы не находим даже того не очень внятно сформулированного предпочтения, которое Каутский отдает организованным рабочим перед неорганизованными. Во-вторых, Люксембург уже в ранних работах настойчиво подчеркивает мысль, которая Каутским хотя и не отрицается, но специально не только не акцентируется, но, судя по некоторым формулировкам, не играет в его мировоззрении существенной роли. Речь идет об известной марксистской идее, согласно которой пролетарская революция является первой революцией в интересах большинства (в отличие от прежних «революций меньшинства») и что это предъявляет к самому большинству иные требования, чем раньше, предполагает историческую самостоятельность и самостоятельность пролетарских масс, означает «осознание массой своих собственных задач»⁴, ее развитую способность распознавать за народолюбивой словесностью ложных друзей и претендентов на роль «вождей» корыстные притязания новых узурпаторов народной свободы, предполагает, иными словами, «устранение «вождей» и «ведомой» массы в буржуазном смысле, этой исторической основы всякого классового господства»⁵.

Насколько привлекателен этот пласт марксистских идей для Люксембург, настолько же равнодушен к нему Каутский. Более того, у последнего уже в то время порой появляются выражения, в которых в зародышевом виде просматривается его будущее отношение к стихийно-непосредственной исторической активности и самостоятельности народных масс. Так, в ответ на ссылку Бернштейна на незрелость пролетариата для завоевания политической власти Каутский писал: «...На это нужно заметить, что в классовой борьбе никогда не принимают участия все без исключения члены данного класса. Повсюду мы находим в авангарде борцов лишь избранных, и их политические способности показывают степень зрелости всего класса. <...> Следовательно, политическое господство пролетариата фактически означает ближайшим образом только господство избранной части его, как это

мы можем сказать и о буржуазии, и об юнкерах, и о всяком господствующем классе»⁶.

При всем том, что в столь общем виде эти формулировки вряд ли можно считать ошибочными, практически нельзя представить себе, чтобы они вышли из-под пера Р. Люксембург. Она расставляла акценты иначе. Для нее на первом плане были принципиальные отличия господства пролетариата от господства других классов; для нее было важно то, что пролетарское господство означает собственное историческое творчество масс, что оно уничтожает прежнее деление на «избранных» и «неизбранных».

Такой подход объясняет, почему Люксембург иначе, чем Каутский, отвечает на замечание Бернштейна о «незрелости» пролетариата для завоевания политической власти. Она говорит не о том, что у пролетариата есть представители, которые уже «дозрели», а о том, что, только борясь за власть и только завоевав ее, он может — на собственном опыте — научиться пользоваться ею, что только находясь у власти, он может «дозреть» до нее и в этом смысле, считает Р. Люксембург, мнение о «преждевременном» ее захвате лишено всякого содержания. Пролетариат «должен однажды или несколько раз непременно захватить ее «слишком рано» для того, чтобы в конце концов, прочно завоевать ее»⁷; он может быть не раз и не два отброшен назад, но только так, только на собственном опыте, только в борьбе и может осуществляться его развитие и «дозревание».

Этот акцент на самодвижении, саморазвитии, самовоспитании пролетарских масс в процессе их собственной борьбы уже в пору полемики с ревизионистами отличает Люксембург от Каутского. Но так как разговор шел пока не на практически-политическом, а на абстрактно-теоретическом уровне, такая разница акцентов не мешала принципиальному единомыслию, она казалась лишь индивидуальными вариациями теоретического «одного и того же», лишь плодотворными проявлениями личной оригинальности. Но уже через несколько лет, во время первой революции в России, выяснится, что мысль Р. Люксембург развивается в другом направлении, что у нее свое, особое представление о соотношении стихийного и организованного движения. И хотя разрыв с Каутским произошел лишь в 1910 г., теоретическая основа его видна уже в 1906 г.

Как известно, российская революция 1905—1907 гг. широко обсуждалась в международной социал-демократии не только как национальное явление. Характер революции, ее ход, ее формы — все это рассматривалось и с точки зрения возможного использования ее опыта в других странах. Известно также, что ведущая роль в теоретическом осмыслении международного значения опыта первой российской

революции, а точнее — значения этого опыта для Германии, принадлежала Р. Люксембург.

Перенести формы деятельности российского пролетариата, и в первую очередь массовую политическую забастовку, на немецкую почву, в немецкие условия, сделать эти формы формами деятельности германского пролетариата — вот в чем цель и содержание теоретического поиска Люксембург в период революции в России и в последующие годы. При этом объективная проблема, которая перед ней стояла и которую ни она, ни ее критики адекватно не осознавали, заключалась в следующем: каким образом можно формы деятельности российского пролетариата сделать формами деятельности пролетариата германского, учитывая, что первый объективно революционен (причем не только по отношению к царизму, но и по отношению к буржуазии), а второй в качестве наиболее организованной части своей включает в себя неревOLUTIONIONНУЮ рабочую аристократию?

Нереволюционность верхнего, наиболее организованного слоя немецкого пролетариата первое отчетливое выражение нашла в позиции, занятой в 1905 г. германскими профсоюзами в отношении пропаганды идеи массовой политической забастовки. Профсоюзные лидеры открыто выступили против, аргументируя это тем, что условия Германии принципиально отличаются от российских, что массовое движение в России (прежде всего забастовочное) — это типичный пример движения, не прошедшего школы организации и дисциплины, что объявление в Германии политической забастовки связано с риском развязывания неконтролируемого стихийного движения неорганизованных масс, чревато нарушением законности, а это при существующем в стране соотношении сил неизбежно приведет к разгрому пролетарских организаций и победе реакции.

С этой позицией и боролась Люксембург, но она рассматривала ее не как отражение определенной тенденции в самом организованном рабочем движении, а исключительно как точку зрения профсоюзных вождей, профсоюзной бюрократии, оторвавшейся от масс, а не опирающейся на определенные настроения части самих масс. Рост профсоюзов, расширение их самостоятельности, усложнение и специализация их функций в условиях относительного повышения благосостояния и политического затишья, рассуждает Люксембург, вызвали появление профсоюзного чиновничества. «Благодаря сосредоточению всех нитей движения в их (чиновников. — И. К.) руках и самая способность понимания вопросов этого движения делается их профессиональной специальностью. Масса товарищей низводится до состояния массы, неспособной иметь свое собственное суждение, массы, которой вменяется в обя-

занность главным образом добродетель «дисциплины», т. е. пассивное послушание»⁸.

Тут, однако, возникает, естественный вопрос: если профсоюзная бюрократия низводит массу до неспособности «иметь собственное суждение», то почему сама масса позволяет осуществлять такое «низведение»? Почему, далее, эта пролетарская масса разрешает своим чиновникам проводить линию на обособление профсоюзов от социал-демократии, на их независимость от нее, их идейно-политическую «нейтральность» (что и проявилось наиболее ярко как раз в 1905 г. в вопросе о массовой политической забастовке, когда партия выступила за пропаганду идеи такой забастовки, а профсоюзы — против)? Почему это стало возможно, если, как пишет Люксембург, в сознании пролетарской массы никакого обособления нет, если «безусловно необходимое для предстоящей в Германии массовой борьбы единство профессионального и социал-демократического рабочего движения *на самом деле имеется налицо*»? Если единство это «воплощено в той широкой массе, которая служит общим базисом и социал-демократии, и профессиональных союзов и в сознании которой обе стороны движения слиты в одно духовное целое»?⁹

Люксембург, судя по всему, особой проблемы здесь не видит; во всяком случае, нигде ее отчетливо не фиксирует. Но в структуре ее рассуждений проблема тем не менее присутствует, хотя и в неявном виде. Ведь если для пролетарской массы никакого противоречия, никакого антагонизма между профсоюзами и социал-демократией не существует, если, другими словами, в сознании массы нет никакого разлада между экономической борьбой на почве капитализма и социал-демократической революционной борьбой за социалистическую цель, то на какой же социальной почве возник конфликт между партией и профсоюзами? Люксембург считает, что тут имеет место лишь «антагонизм между социал-демократией и верхним слоем чиновников профессиональных союзов», который, в свою очередь, «является в то же время антагонизмом внутри профессиональных союзов между вождями их и профессионально организованной пролетарской массой»⁹. Да, но ведь этот антагонизм должен же как-то проявляться, а между тем Люксембург на такие проявления не указывает. Более того, она видит, что в жизни ничего подобного не наблюдается, и потому вынуждена призывать к тому, что, согласно ее логике, реально существует без всяких призывов, т. е. вынуждена призывать рабочих к осознанию их конфликта с профсоюзной бюрократией: «Но пора же рабочей социал-демократической массе научиться проявлять свою способность к суждениям и к действиям, и тем самым показать свою зрелость для той эпохи великой борьбы и ве-

ликих задач, когда масса должны быть действующим хором, а руководители лишь «персонажами с речами», исполнителями массовой воли»¹⁰.

Перед нами, таким образом, достаточно умозрительная конструкция, некий абстрактный «закон», согласно которому рабочая масса непременно *должна* стремиться проявлять свою «способность к суждениям и действиям», должна находиться в антагонизме с узурпировавшей ее историческую активность и самостоятельность профсоюзной бюрократией, должна утверждать себя в качестве революционного субъекта. И если этого нет, если это не проявляется, то рано или поздно проявится. Что рабочая бюрократия есть не что иное, как порождение части самой массы, а именно — рабочей аристократии, склонной не к развертыванию, а к отчуждению своей исторической самостоятельности в пользу обслуживающих ее повседневные материальные интересы чиновников, — такой ход мысли для Люксембург исключен. И понятно почему: при ориентации на противоречие между буржуазией и целостно-неделимым пролетариатом, которой продолжала придерживаться Р. Люксембург, последний (весь, целиком) непременно должен был находиться в антагонизме со всем, что препятствовало развертыванию его классовой активности.

В действительности же деятельность верхнего организованного слоя рабочего класса хотя и осуществлялась еще официально под революционным социал-демократическим идеологическим знаменем, тем не менее по своим реальным целям уже становилась тред-юнионистской, т. е. неревolutionционной и несocialистической, что, в свою очередь, и нашло выражение в ревизионизме. Когда же реальное содержание пришло в прямое столкновение с идеологической формой (уже упоминаемый нами конфликт между партией и профсоюзами по вопросу о массовой политической забастовке), то «форма» должна была отступить и уступить: Мангеймский (1906 г.) съезд германской социал-демократии вынужден был принять специальную резолюцию, в которой решение вопроса о массовой политической забастовке ставилось в зависимость от согласия правления профсоюзов.

И вот деятельность этих верхних слоев рабочего класса, ориентированную исключительно на экономические и политические реформы на почве буржуазного строя и уже в силу этого невозможную без соответствующего чиновничье-бюрократического аппарата на манер буржуазного, т. е. деятельность в ее профсоюзной и парламентской формах, Розе Люксембург предстояло наполнить революционным содержанием. Проблема, стоявшая перед ней, была объективно неразрешима, но так как саму проблему она адекватно не осознала, то она ее решала, и в поисках решения как раз и пыта-

лась опереться на опыт революции в России. В свою очередь, обращение к этому опыту позволило выдающейся революционерке в определенной мере преодолеть саму ложную постановку проблемы, выйти за ее сковывающие теоретический поиск границы и сделать ряд выводов, которые свидетельствуют об идейном развитии Розы Люксембург в направлении ленинизма.

Прежде всего отметим главное — то, что, собственно, и составляет своеобразие позиции Люксембург в вопросе о массовой забастовке и что отличает ее не только от профсоюзных лидеров и ревизионистов, но и от Каутского, расхождения с которым в период революции в России не были, правда, заметны в силу того, что оба они выступали в то время в одном антиревизионистском лагере, оба отстаивали линию партии против профсоюзных вождей. Эта главная особенность позиции Люксембург заключается в следующем. В ответ на доводы своих оппонентов, что массовая политическая забастовка для своего успеха требует если не головной, то значительно большей организованности рабочего класса, чем это имеет место в Германии (организованные рабочие составляли тогда сравнительно незначительную часть пролетариата); что она предполагает наличие значительных средств для обеспечения жизненного существования бастующих, чего у немецкого пролетариата тоже нет; что она не может осуществляться так, как в России (т. е. стихийно), ибо немецкий рабочий класс, в отличие от российского, уже имеет свои организации, которые при существующем соотношении сил, когда рабочему классу противостоят не одряхлевший русский царизм, а сильное милитаристское государство и мощная высокоорганизованная буржуазия, могут быть в результате массовой политической забастовки разгромлены, а все движение отброшено тем самым назад, — в ответ на все это Люксембург, основываясь на опыте России, выдвигает свой знаменитый тезис о *первенстве стихийности перед организованностью*.

Обращаем особое внимание на то, что в этом тезисе нет и тени отрицания или умаления значения организации вообще, в чем так часто упрекали впоследствии Люксембург. Здесь просто-напросто иная логика, противоположная логике современных ей оппонентов, не организация как предпосылка и условие массовой стачки, а стихийно возникающая и стихийно разворачивающаяся массовая политическая стачка (т. е. революция!) как предпосылка организации! «...В то время, как охранители германских профессиональных союзов, — пишет Люксембург, — больше всего боятся, как бы в революционном вихре с треском не разлетелись организации, как дорогой фарфор, русская революция показывает нам прямо противоположную картину: из вихря и бури, из

пламени и зноя массовой стачки и уличной борьбы рождаются, как Венера из морской пены, новые, юные, мощные, жизнерадостные... профессиональные союзы!»¹¹.

Здесь, однако, снова возникают вопросы. Дело в том, что в России до революции легальных пролетарских организаций, по существу, не было (если не считать зубатовских), а в Германии они существовали. Что же должно произойти с этими организациями в ходе предстоящей революции? Каким образом можно наложить российский опыт на совершенно иную немецкую ситуацию? Люксембург отвечает просто: опыт России — это не опыт отсталой страны, а всеобщий универсальный опыт революции; опыт же более передовой Германии — это опыт неревOLUTIONНОЙ борьбы на почве буржуазной законности, и немецким пролетарским организациям еще только предстоит доказать свою пригодность для решения революционных, а не реформистских задач, им еще только предстоит пройти испытание в огне предстоящей революционной эпохи. «Свойственный пролетарским классовым организациям специфический метод развития и заключается именно в том, чтобы испытать себя в борьбе и из нее вновь возникнуть»¹².

Люксембург, таким образом, отрицает не организацию и организованность, противопоставляя им стихийность, а лишь такую организацию, которая стремится весь ход массового действия, вплоть до мелочей, подчинить партийному и профсоюзному руководству, оставив массам лишь возможность проявления дисциплинированности; она против организации бюрократической, стремящейся заранее, во избежание риска и в целях более удобного руководства, составить сценарий массового движения и «воспитать» массы для действия по этому сценарию, но она же — за организацию революционную, вырастающую из стихийного творчества масс. «Натянутый механически-бюрократический взгляд, — не устает повторять Люксембург, — может признать борьбу только как продукт организации на известном уровне ее могущества. Живое диалектическое развитие создает, наоборот, организацию как продукт борьбы»¹³.

Нетрудно заметить, что Люксембург вплотную подходит к мысли, что сложившиеся в Германии в условиях парламентаризма пролетарские организации для революции не годятся. Но такого вывода она не делает, ограничиваясь указанием на предстоящее «испытание в борьбе». Дальше она заглянуть не могла: революция в России с существовавшими ранее пролетарскими организациями дела не имела, а пессимистически относиться к немецким профсоюзам только на основании обюрокративания и реформистского перерождения их руководящего слоя Люксембург не могла уже в силу

того, что массу рядовых членов профсоюзов она считала революционной.

Из этого, однако, вовсе не следует, что осуществленное ею наложение российского опыта на немецкие условия было сугубо внешним, механическим, неорганичным, отвлекающим от национальной специфики каждой из стран, в чем не уставали упрекать ее ревизионисты, а впоследствии начнет упрекать и Каутский. Дело в том — и это, на наш взгляд, наиболее интересный момент ее концепции, в котором ее точка зрения в чем-то предвосхищает ленинскую позицию периода первой мировой войны, — дело в том, что Люксембург, осуществляя наложение революционного опыта России на немецкие условия и обстоятельства, имеет в виду не только (и даже не столько) организованное рабочее движение в Германии, но прежде всего неорганизованные массы. И, в противовес ревизионистам с их постановкой вопроса: сначала — вовлечение неорганизованных в организации, а лишь затем — массовое действие, Люксембург утверждает: наличие в Германии неорганизованных трудящихся, составляющих наиболее угнетенное и эксплуатируемое большинство народа, — это и есть то, что сближает условия двух стран, и немецкие неорганизованные рабочие, подобно русским, создадут свои организации именно в ходе революции.

Таким образом, то, что ревизионистами и профсоюзным лидерам представлялось показателем недостаточной зрелости движения (наличие огромных масс неорганизованных, не прошедших школу дисциплины рабочих), Розе Люксембург виделось совсем в другом свете; она усматривала в неорганизованных могучий революционный потенциал, который, как это было в России, в революционную эпоху окажет решающее влияние на ход событий. Когда в Германии, пишет она, наступит революционный период, «то самые отсталые, ныне неорганизованные слои естественно окажутся в борьбе самым радикальным, самым неустойчивым, а вовсе не увлекаемым насильно элементом. Пусть дойдет в Германии дело до массовых стачек, и, наверное, наибольшую способность проявят не те, кто теперь лучше всего организованы (наверное, не типографчики), а те, которые организованы хуже всего или даже вовсе неорганизованы: шахтеры, текстильщики, быть может, даже сельскохозяйственные рабочие»¹⁴.

Во время войны Ленин, как известно, тоже пришел к выводу, что именно неорганизованные рабочие, не разращенные подачками и привилегиями, которыми пользовалась организованная рабочая аристократия, составляют в Западной Европе наиболее революционный слой пролетариата, и в подтверждение правильности этой позиции он ссылаясь на основоположников марксизма (см. т. 30, с. 178). Но все же совпа-

дение тут лишь частичное. Ибо, в отличие от Люксембург, в глазах Ленина организованная рабочая аристократия является объективно нереволлюционной, а ее организации, с его точки зрения, представляют «интересы меньшинства (рабочего класса. — И. К.), его примирение с капитализмом» (там же). Поэтому ленинская стратегия — на разрыв с привилегированным, обуржуазившимся слоем пролетариата и его оппортунистическими организациями. «От «буржуазной рабочей партии» старых тред-юнионов, — пишет Ленин, — от привилегированного меньшинства Энгельс отличает «низшую массу», действительное большинство, апеллирует к нему, не зараженному «буржуазной почтенностью». Вот в чем суть марксистской тактики!

<...> И наш долг поэтому, если мы хотим остаться социалистами, идти *ниже* и *глубже*, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы» (т. 30, с. 178).

Для Люксембург такая постановка вопроса была невыносимой: это противоречило господствовавшему в западноевропейских партиях II Интернационала и разделяемому ею представлению о пролетарском «единстве». В ее концепции организованная рабочая аристократия не исключается из революционного процесса. К ней лишь присоединяется неорганизованная часть, причем в качестве не низшего, второстепенного, подчиненного элемента, но элемента наиболее революционного. Однако роль авангарда всего движения Р. Люксембург возлагает все же не на эти неорганизованные массы и не на те организации, которым предстоит родиться в огне революции. Правда, таким авангардом не выступают у Люксембург и реально существующие профсоюзы. Таким авангардом выступает партия; она является «организованным ядром рабочего класса», «руководящим передовым отрядом всего трудящегося населения», именно от нее исходят «политическая последовательность, сила, единство рабочего движения»¹⁵. И речь идет не о какой-то будущей партии, вырастающей из революции, а о реально существующей немецкой социал-демократии. Таким образом, партию, сориентированную на парламентскую борьбу, опирающуюся на слой рабочего класса, в развитии которого доминировала реформистская тенденция, Люксембург надеялась приспособить для решения революционных задач, для руководства стихийным массовым движением¹⁶. Такого рода надежды и станут одной из главных причин тех теоретических трудностей, с которыми Р. Люксембург столкнется впоследствии в осмыслении проблем империализма и — особенно — ситуации, сложившейся в рабочем движении в годы войны.

2. ИМПЕРИАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ (ПОПЫТКА ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ)

Едва ли не главная особенность подхода Р. Люксембург к империализму, отличающая ее от Каутского, заключается в том, что движение к революции и социализму в ее глазах могло осуществляться не в обход империализма, а только *через* империализм. Причем она с самого начала приняла вызов бернштейнцев и вступила с ними в борьбу на их территории, а именно в вопросе об экономическом пределе капитализма.

Уже во время полемики с Бернштейном на рубеже столетий мы не видим у нее той двойственности, которую могли наблюдать у Каутского. Последний, как мы помним, хотя и осторожно, но пытался увести спор из экономической сферы, где он чувствовал себя под ударами бернштейнцев неуверенно, в сферу социально-политическую. Люксембург не собирается сдавать ни одной позиции на экономическом плацдарме. Ее постановка вопроса бескомпромиссна: если бернштейнцы правы, если мысль об экономическом самоисчерпании капитализма, его предстоящем экономическом крушении надо сдать в архив, туда же надо сдать не только идею революции, но и идею социализма. Если капитализму удалось изобрести «средства приспособления», которые «в состоянии предотвратить крушение капиталистической системы, т. е. сделать... капитализм способным к существованию», то «социализм перестает быть исторической необходимостью и представляет собой все, что угодно, но только не результат материального развития общества»¹⁷. Или у капитализма есть экономическая граница, в направлении которой он объективно развивается, или он экономически безграничен, и социализм становится утопией — такова предельно заостренная и достаточно содержательная постановка проблемы Р. Люксембург.

Поэтому она в ходе полемики с Бернштейном не только не отступает от теории «краха», как делал Каутский, дополнявший ее аргументами от политики, но отстаивает ее самым решительным образом, сохраняя ее в качестве основного момента теоретической концепции и именно в этом качестве обосновывая и развивая. Неотделимо от теории «краха», которой придерживалась Люксембург, и осмысление ею проблем империализма. Можно сказать, что империализм, тот самый империализм, проявления которого Бернштейну служили основанием для отбрасывания данной теории (т. е. идеи крушения капитализма в результате кризиса перепроизводства), а Каутского заставили изрядно смягчить ее, превратив эту теорию в экономическую упаковку для аргументации социально-политического толка, — тот же самый им-

периализм стал для Люксембург главным аргументом в пользу концепции экономического «краха». Несколько забегаая вперед, отметим, что при таком подходе ни о каком обходе империализма, ни о каком возвращении назад, к «мирному» капитализму в духе каутскианства не могло быть и речи; при таком подходе империализм оказывался не отклонением от «нормального» капитализма, а закономерным и наиболее полным проявлением его сущности.

В наиболее развитом виде концепция Люксембург представлена в ее фундаментальном труде «Накопление капитала» (1913) и развернутых добавлениях к нему, написанных уже во время войны и представляющих собой ответ на критику, которой было подвергнуто «Накопление капитала» со стороны ряда социал-демократических авторов (О. Бауэр, Г. Экштейн, А. Паннекук и др.). Детальный разбор содержащейся в этом труде политэкономической аргументации далеко выходит за рамки данного исследования. Мы ограничимся лишь рассмотрением нескольких принципиальных моментов, имеющих непосредственное отношение к вопросу об империализме и экономическом пределе капитализма.

Как известно, Люксембург связывала историческую необходимость империализма с невозможностью для капитала реализовать прибавочную стоимость внутри «чисто» капиталистического общества, найти приложение накопленному капиталу. Поэтому для реализации прибавочной стоимости требуется «круг покупателей вне капиталистического общества»; поэтому накопление капитала «без некапиталистической среды ни в каком отношении не мыслимо». Отсюда — безграничное стремление капитала к расширению, к всеохватности, к всемирности. Отсюда — борьба капиталистических стран за раздел некапиталистической зоны мира, отсюда — империализм: «его сущность состоит именно в распространении господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и в хозяйственной и политической конкурентной борьбе этих стран из-за подобных областей»¹³.

И вот здесь-то, по мнению Люксембург, возникает острейшее противоречие, когда империализм, с одной стороны, является необходимым средством продления жизни капитализма, а с другой — столь же необходимо ведет его к гибели. С одной стороны, капиталистическое накопление осуществляется только в процессе постоянного обмена веществ с некапиталистическими общественными формациями и «может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду»¹⁹. С другой стороны, такого рода обмен веществ неизбежно ведет к тому, что капитал разрушает данную среду, превращает ее в капиталистическую²⁰. Но это неустрашимое противоречие как раз и означает, по мнению Люксембург, что империализм, спасая капиталистическое общество, ведет его

к экономическому самоисчерпанию, к крушению²¹. «...Здесь, — пишет она, — начинается тупик. Раз конечный результат достигнут, — что является, однако, теоретической конструкцией, — накопление становится невозможным; реализация и капитализация прибавочной стоимости превращается в неразрешимую задачу... Невозможность накопления означает с капиталистической точки зрения невозможность дальнейшего развития производительных сил и, следовательно, объективную историческую необходимость гибели капитализма»²².

Это, однако, как неоднократно подчеркивалось в исследовательской литературе последних двух десятилетий²³, вовсе не значит, что Люксембург является сторонницей идеи об «автоматическом крахе» капитализма (такая оценка ее взглядов имела место в 30—50 гг.; при этом приписываемая ей концепция «автоматического краха» воспринималась как экономическое обоснование ее теории «стихийности»). Мы видели оговорку Люксембург относительно достижения капитализмом своего конечного пункта: такой конечный пункт выступает у нее лишь как «теоретическая конструкция». И подобных оговорок, подобных указаний на то, что предел капитализма вовсе не обязательно должен быть достигнут, что империализм ведет к этому пределу через международные конфликты, войны, революции, в результате которых он рухнет до того, как достигнет своей конечной точки, — таких указаний у автора «Накопления капитала» немало²⁴. Не вызывает у нее сомнения и то, что рухнет империализм не сам по себе, что опрокинуть его может и должен только революционный класс: «...Восстание международного рабочего класса против капиталистического господства становится необходимостью еще раньше, чем оно наталкивается на свои естественные, им же самим созданные экономические перегородки»²⁵.

Имевшее место приписывание Розе Люксембург концепции «автоматического краха» означало не только неверное понимание ее взглядов, изложенных в «Накоплении капитала» (как и неверное представление об ее интерпретации вопроса о соотношении стихийного и организованного движения), но и игнорирование всей ее деятельности, которая меньше всего была похожа на пассивное ожидание того момента, когда капитализм рухнет сам собой. Однако и просто отбросить такого рода неверную трактовку, просто сказать, что Люксембург наряду с доказательством экономической необходимости гибели капитализма придавала важное значение и революционной борьбе масс, повышению уровня их организованности, «субъективному фактору» и т. п., — это еще, в сущности, очень мало. Своеобразие концепции Люксембург тут не только не проясняется, но исчезает: она сводится к

плоской сентенции, что объективное и субъективное неразрывно связаны, что одно нельзя отрывать от другого и т. п. — сентенции, против которой не стали бы возражать ни Бернштейн, ни Каутский, ни большинство социалистов того времени.

Особенность же позиции Люксембург, суть ее теоретического поиска заключались в том, чтобы в условиях тех изменений, которые были привнесены в общественную жизнь империализмом, дать революционной борьбе рабочего класса объективное обоснование, показать, что эта борьба, с одной стороны, не есть нечто противоречащее экономической необходимости, как утверждали ревизионисты, но совпадающее с ней, а с другой — что недопустимо, на манер каутскианцев, выводить необходимость революционной классовой борьбы из нее самой, абстрагируясь от экономических закономерностей, сдавая в этой сфере позиции бернштейнцам.

Классовая борьба, развивающееся классовое революционное сознание, если они действительно имеют место, могут быть, по мнению Люксембург, только отражением процесса движения капитализма к своему экономическому пределу; иначе они попросту необъяснимы. «...Восстание рабочих, их классовая борьба, — а именно в ней кроется залог его непобедимой силы, — пишет она, — является лишь идеологическим отражением объективной исторической необходимости социализма, вытекающей из объективной хозяйственной невозможности капитализма на определенной ступени его развития»²⁶. Любая же апелляция к классовой борьбе в обход вопроса об экономическом пределе капитализма означает, по мнению Люксембург, возвращение к домарксистским утопическим системам, авторы которых «выводили социализм исключительно только из несправедливости и ужасов современного мира и из революционной решимости трудящихся классов»²⁶.

В попытке Люксембург дать объективно-экономическое обоснование революционной стратегии применительно к реальностям империализма, опираясь на эти реальности, а не обходя их, — в этой попытке заключается сильная и наиболее плодотворная сторона ее анализа. Империализм экономически неизбежен; он — необходимый продукт капитализма, столь же необходимо ведущий к войнам и революциям; ревизионистские и каутскианские надежды на возвращение назад, к «мирному» капитализму, являются мещанской утопией — таковы основные выводы, вытекающие из концепции ведущего теоретика германских левых.

Но попытка дать экономическое обоснование революционной стратегии в новых условиях, составляя сильную сторону поиска Люксембург в специфических обстоятельствах ее времени, в целом, как известно, успехом не увенчалась. И

самое уязвимое место ее в том, что в концепции, призванной обосновать историческую необходимость империализма, представить его как определенную целостность, ни один элемент которой не может быть из нее изъят (например, милитаризм и политика колониальной экспансии, как хотелось того Каутскому), — что в этой концепции, строго говоря, империализм как целостная система отсутствовал. А еще точнее — он отсутствовал как новая целостная система со своими особыми формами противоречий.

На первый взгляд, такое утверждение явно не соответствует тому очевидному факту, что Люксембург отчетливо видит новые явления империалистической эпохи и достаточно четко и полно — как нечто самоочевидное — описывает ее основные признаки: «Крайние типичные проявления империалистического периода: мировая борьба капиталистических держав за колонии, за сферы влияния, за возможности приложения европейского капитала, международная система займов, милитаризм, высокие таможенные пошлины, господствующая роль в мировой политике банковского капитала и картельной промышленности — все это в настоящее время общеизвестно»²⁷.

Элементы новой системы, повторим, представлены достаточно полно. Но мы уже видели на примере Каутского: эмпирическая фиксация элементов, «частей» целого не есть еще теоретическое постижение самого целого. Розе Люксембург не удалось вырваться за рамки каутскианской «ортодоксии» в теоретической интерпретации империализма. Ее подход к империализму с точки зрения реализации прибавочной стоимости, как и подход Каутского, может, в лучшем случае, претендовать на раскрытие механизма возникновения тех или иных новых явлений, но он ничего не говорит о том, что же эти явления (в отдельности и в совокупности) из себя представляют, какова их сущность. При таком подходе признаки империализма являются совершенно «равноправными», равнозначными; главный, системообразующий, определяющий все остальные среди них не выделяется. При таком подходе, как мы могли видеть и у Каутского, новые явления оказываются выражением не какого-то нового качества, а качества старого, некими крайними проявлениями капитализма «вообще». Не выходит за рамки каутскианской «ортодоксии» и сведение противоречий капитализма к противоречиям производства и обмена между капиталистическими и некапиталистическими странами (с той лишь разницей, что Каутский делает акцент на сельскохозяйственной специфике последних, а Люксембург — на их докапиталистическом характере). Наконец, Люксембург, как и Каутский, не выходит за пределы концепции «национального капитализма»: империализм в ее глазах является мировой системой не в силу своего

стремления осуществить организацию мирового хозяйства в условиях капитализма, а просто в силу того, что каждый национальный капитализм выходит на мировую арену и сталкивается там с другими. Тем самым и здесь империализм выступает у Люксембург, как и Каутского, не новым всемирным качеством, а лишь количественным изменением в границах старого качества: империализм оказывается суммой национальных капитализмов, которым стало тесно в национальных рамках и интересы которых пришли в этой связи в противоречие.

Бесспорное преимущество теоретического лидера германских левых перед Каутским — в ее последовательности, в том, что она не пытается искусственно совмещать империализм с доимпериалистическим капитализмом, а тем более объявлять искусственным сам империализм или отдельные его проявления. Свободная торговля принадлежит прошлому, она невозвратима, она лишь эпизод в истории капитализма²⁸. Но это преимущество достигается ценой серьезной утраты, а именно — ценой еще большего, чем у Каутского, размывания грани между империализмом и предшествующей ему стадией.

Действительно: если движение капитализма к своему пределу доказывается путем анализа противоречия между производством и потреблением, противоречия, развертывающегося и углубляющегося независимо от изменений, происходящих непосредственно в сфере производства, в его организации и т. п., то от этих изменений в ходе анализа можно абстрагироваться. Так Люксембург абстрагировалась от факта смены свободной конкуренции монополией. Причем, если Каутский пытался все же ввести монополию в свои теоретические построения, то у Люксембург мы не замечаем и этого. В полемике с Бернштейном в конце прошлого века она признает, что «развитие картелей и трестов с точки зрения их многостороннего экономического воздействия — явление еще не исследованное»²⁹, признает, что здесь есть свои проблемы, но ни формулировать, ни исследовать их не пытается. В 1904 г. после Амстердамского конгресса, указавшего на неизбежность развития трестов, она отметила, что «эта тема — твердый орешек»³⁰, но раскусить его опять-таки не попыталась. Наконец, в «Накоплении капитала» она оговаривается, что «рассмотрение картелей и трестов как специфического явления империалистической фазы» находится «вне рамок этой работы»³¹.

Таким образом, Люксембург, признавая важность проблем, обусловленных возникновением монополий, считает возможным абстрагироваться от них при изучении вопроса об экономических границах капитализма. Но тем самым монополия оказывается одним из многих новых факторов, кото-

рый хотя и важен, но не несет в себе ни принципиальной качественной новизны, ни системообразующего начала. А это как раз и означает размывание границ между «старым» и «новым» капитализмом, между свободной конкуренцией и монополией.

Не удивительно поэтому, что в тех редких случаях, когда Люксембург была вынуждена высказываться по существу вопроса о монополиях (например, в споре с Бернштейном), она рассматривает их как такое отклонение от свободной конкуренции, которое является своеобразным промежуточным звеном между свободной конкуренцией и все той же свободной конкуренцией, которая снова придет на смену трестам и картелям, неся с собой увеличение анархии капиталистического производства, более полное и катастрофическое развертывание его кризисных тенденций³². Такое растворение монополии в свободной конкуренции неизбежно, если в основе концепции — противоречие между производством, с одной стороны, и обменом и потреблением — с другой, если экономическое самоисчерпание капитализма связывается исключительно с кризисами перепроизводства (свободная конкуренция, как известно, — более благодатная почва для них, чем монополия, хотя и последняя вовсе не отменяет их).

Мы видим здесь не только то, как прочно связано мышление западноевропейских теоретиков II Интернационала со старыми, доимпериалистическими формами противоречий, но и то, как сказывается это на понимании самих «старых» форм. Известно, что основное внутреннее противоречие производственной деятельности капитала, имеющее место и на домонополистической, и на монополистической стадиях, — это противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Другие противоречия (скажем, между производством и потреблением) являются производными, подчиненными по отношению к нему. Одним из проявлений данного противоречия выступают при капитализме кризисы. Почему же Люксембург в своем объяснении кризисов (и в своем обосновании необходимости экономического крушения капитализма) исходит не из этого противоречия, а из производного от него противоречия между производством и потреблением?

Для ответа на эти вопросы принципиальное методологическое значение, как нам кажется, имеет ленинская критика народнической интерпретации кризисов. В. И. Ленин указывает, что смешение народниками марксистской и домарксистской (в духе Сисмонди) теорий кризисов, марксистского и домарксистского понимания противоречий капитализма непосредственно связано с их отношением к капитализму, к возможности его существования и развития. «В самом деле, — пишет В. И. Ленин, — если мы объясняем кризисы не-

возможностью реализовать продукты, противоречием между производством и потреблением, то мы тем самым приходим к отрицанию действительности, пригодности того пути, по которому идет капитализм, объявляем его путем «ложным» и обращаемся к поискам «иных путей». Выводя кризисы из этого противоречия, мы должны думать, что, чем дальше развивается оно, тем труднее выход из противоречия... Наоборот, если мы объясняем кризисы противоречием между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения, мы тем самым признаем действительность и прогрессивность капиталистического пути и отвергаем поиски «иных путей», как вздорный романтизм. Мы тем самым признаем, что, чем дальше развивается это противоречие, тем легче выход из него, и что выход заключается именно в развитии данного строя» (т. 2, с. 164—165).

Разумеется, прямо эти слова, написанные в конце прошлого века, к Р. Люксембург и ее работе 1913 г. отнести нельзя. Автор «Накопления капитала», в отличие от народников, не объявляла капитализм «ложным» и не призывала искать «иные пути». Она, как мы показали, исходила из объективной необходимости и капитализма вообще, и империализма как его определенной ступени. К тому же об империализме (а именно он и отношение к нему Люксембург интересуют нас здесь в первую очередь) в полемике В. И. Ленина с народниками еще не было и речи. И все же В. И. Ленин в статье, которую он намеревался специально посвятить критическому разбору «Накопления капитала» (статья, как известно, написана не была), хотел напомнить дискуссию конца 90-х гг., считая, что она поможет лучше разобраться в сущности концепции Р. Люксембург³³.

При всем отличии концепции Люксембург от воззрений народников, она, подобно им, исходила из противоречия между производством и потреблением. А выдвигание на первый план данного противоречия в качестве исходной установки предполагает (об этом как раз и говорит В. И. Ленин) представление о невозможности капитализма, о его неспособности к развитию за счет своих внутренних источников и ассимиляции новых, «внешних» для себя методов (таких, как монополия, позднее — государственное регулирование и т. п.). Империализм способствует распространению капитализма на весь мир и становится невозможным, когда эта цель достигнута; говоря иначе, капитализм становится невозможным в тот самый момент, когда он (с помощью империалистических методов) превращается в «чистый» капитализм. Но такой вывод можно было обосновать только так, как сделала Люксембург: выдвинув на передний план противоречие между производством и потреблением.

Это была, конечно, довольно легкая победа над капита-

лизмом и империализмом. И подобно большинству легких побед, она не была победой. Чтобы показать исторический предел капитализма, чтобы доказать в споре с ревизионистами и каутскианцами необходимость его экономической гибели в условиях империализма, Розе Люксембург пришлось оставить за пределами своей теоретической схемы большинство тех явлений, на которые указывали ревизионисты и которые, собственно, и составляли особенность империалистической эпохи (прежде всего факт монополии, который никак не укладывался в рамки противоречия между производством и потреблением). Автору «Накопления капитала» пришлось поставить развитию капитализма чисто внешнюю, механическую преграду, признав его способным к развитию только вширь, но не вглубь. Это не прошло мимо внимания В. И. Ленина. «Развитие капитализма идет то вширь (другие страны), то вглубь»³⁴, — пометил он, читая книгу Люксембург.

Рассмотрение эволюции капитализма как развертывания и углубления противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения не давало, конечно, возможности обозначить границу капиталистического способа производства в столь наглядно-осязаемой форме, как это получилось у Люксембург. При таком рассмотрении никаких внешних, чисто механических границ у капитализма вообще не оказывалось. Его границей выступало само это противоречие, которое капитал постоянно должен стремиться разрешать и которое для него принципиально неразрешимо. Именно само противоречие, а не та или иная форма его проявления (скажем, форма хозяйственного кризиса).

Разумеется, для характеристики империалистической эпохи данное противоречие, сохраняя всю свою силу, становится тем не менее слишком общим, абстрактным. Но абстрактный характер противоречия не означает, что от него самого можно абстрагироваться, а его конкретизация, в свою очередь, не равнозначна подмене этого противоречия одной из форм его проявления (хозяйственным кризисом). Капитализм в поисках решения этого противоречия вынужден был еще больше углубить его: противоречие между общественным характером производства и частным присвоением капитал пытается преодолеть монополией, т. е. усилением общественного характера производства, его дальнейшим обобществлением! В результате некоторые проявления этого противоречия (прежде всего течение и последствия кризисов) удалось несколько смягчить. Но другим результатом оказалось возникновение противоречия между монополией и свободной конкуренцией с еще более острыми и катастрофическими проявлениями в форме милитаризма, колониального соперничества,

новой таможенной политики, наконец, в форме мировой войны.

Это и есть та конкретизация представлений о противоречиях капитализма в условиях империалистической эпохи, которая была осуществлена В. И. Лениным. Розе Люксембург эту задачу решить не удалось. И одна из главных причин ее неудачи — ориентированность ее мышления исключительно на старые формы противоречий капитализма, представление о них, как о чем-то данном раз и навсегда, как о чем-то таком, что может лишь развиваться и углубляться, но не изменяться, причем не только количественно, но и качественно.

Привязанность мышления выдающейся революционерки к старым формам противоречий проявилась в анализе не только экономической деятельности господствующего класса в условиях империализма, но и в подходе к другим проблемам, в том числе, разумеется, и к вопросу о деятельности пролетариата как субъекта истории. Уже в довоенные годы Р. Люксембург столкнулась с определенными трудностями, пытаясь привести реальные факты в соответствие со своим представлением о целостно-неделимом рабочем классе, противостоящем буржуазии. Война сделала эти трудности еще более очевидными. Правда, по характеру они были совсем другого свойства, чем те, с которыми столкнулся Каутский.

3. ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ? (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ ЛЕНИНСКОГО АНАЛИЗА «БРОШЮРЫ ЮНИУСА»)

Для теоретика германских левых война не стала поводом для отказа от классовой борьбы, для объявления перерыва в исторической деятельности рабочего класса; каутскианская «ученая» аргументация на сей счет способна вызвать у нее лишь язвительную иронию. «По теории исторического материализма, в том виде, как она создана Марксом, — пишет Люксембург, — вся дошедшая до нас история человечества представляет собой историю классовой борьбы. По пересмотренной Каутским теории империализма, к словам Маркса необходимо прибавить: исключая периоды войн»³⁵.

Но если война предполагает иную линию поведения, совершенно иную, даже прямо противоположную тактику по сравнению с мирным временем, продолжает идеолог германских левых, то это значит, что совершенно различны социальные условия, определяющие тактику в мирное и военное время. Но это, пишет Люксембург, ничего общего не имеет с реальным положением дел. Пролетарская классовая борьба, возражает она Каутскому, «является лишь неизбежным по-

следствием эксплуатации наемного труда, во-первых, и политического классового господства буржуазии, во-вторых. Но во время войны эксплуатация наемного труда ни в малейшей степени не исчезает; наоборот, интенсивность этой эксплуатации усиливается в огромной степени... Точно так же не прекращается во время войны и политическое классовое господство буржуазии; наоборот, вследствие отмены конституционных прав оно вырастает в неприкрытую классовую диктатуру. А если экономические и политические источники классовой борьбы во время войны бьют в обществе с удесятеренной силой, то каким же образом может классовая борьба прекращаться?»³⁶.

Итак, Люксембург противопоставляет и «правительственным социалистам», и каутскианцам революционную стратегию, и в этом ее безусловная историческая заслуга, в этом важное свидетельство ее развития в направлении ленинизма. Но сама по себе такая революционность не только не снимала всех вопросов, поставленных войной, но и проявляла их в максимально острой форме. Дело в том, что правые и каутскианцы имели возможность сослаться (и, как мы видели, они это и делали) на реальное положение дел, на тот факт, что сами пролетарские организации заняли — на время войны — позицию классового мира, что революционная платформа не могла найти отклика в массах. Тут-то и выясняется, что революционность Р. Люксембург носила весьма абстрактный характер, что она не была защищена со стороны фактов, что противоречия действительности, из которых эта революционность выводилась, уже не соответствовали самой действительности.

Теоретик немецких левых, как мы только что видели, свои возражения Каутскому основывает на том, что во время войны усиливается интенсивность эксплуатации рабочего класса и более явным и неприкрытым — в силу отмены конституционных прав — становится классовое господство буржуазии. Это, конечно, так; здесь мысль Люксембург совпадает с ленинской. Но ведь есть еще и другая проблема, перед которой, собственно, и капитулировало каутскианство: как же получилось, что, *несмотря* на обострение классовых противоречий в обстановке войны, социал-демократия, представляющая рабочий класс, встала на позиции гражданского мира, а сам рабочий класс с этой позицией примирился?

Р. Люксембург отдает себе отчет в сложности проблемы, потащенной практикой рабочего движения. Она понимает, что ее «решение» в духе правых или каутскианцев, т. е. в духе временного отказа от классовой борьбы и подлаживания к националистическим настроениям масс равносильно полнейшему идейному, политическому и нравственному банкротству. Но Люксембург не готова (да это и не просто было в

сложившейся в Германии ситуации) принять ленинскую линию на разрыв с верхним слоем рабочего класса и его организациями, не готова была примириться с утратой ими революционности.

Но, в свою очередь, неготовность принять эту точку зрения, т. е. точку зрения объективного анализа реальных интересов, означает, что при всей пропасти, отделявшей Люксембург во время войны от Каутского, методология каутскианской «ортодоксии» оказалась ею до конца не преодоленной и в данном вопросе. Неориентированность мышления на изменяющиеся противоречия действительности, на саму возможность изменения их формы неизбежно влекла за собой утрату опоры в объективной действительности и перевод всех проблем исключительно в субъективный план. Но если Каутский, проведя водораздел между «интересом» (объективным) и «силой» (измеряющейся степенью субъективного осознания интереса), использовал эту методологию для того, чтобы обосновать отказ — на время войны — от революционности и классовой борьбы, то Люксембург ту же, по существу, методологию применила для обоснования революционной стратегии.

Разумеется, задача теоретика немецких левых оказалась неизмеримо более сложной, чем у Каутского. Ведь последний все же не пытался привить националистическому верхнему пролетарскому слою революционное сознание; он приспособлялся к реальному настроению (реальной «силе») данного слоя, теорию приспособлял к практике. Что касается Люксембург, то ей предстояло доказать, что ориентации масс принципиально преодолимы и исправимы; ей, другими словами, практику предстояло приспособить к теории, привести в соответствие с теми схемами, от которых практика якобы отклонилась. И Люксембург в своих добавлениях к «Накоплению капитала» так и пишет: крушение социал-демократии «может быть преодолено только тем, что практика рабочего движения будет приведена в соответствие с его теорией»³⁷.

Но ведь сам факт отклонения практики от теории не является, если можно так выразиться, теоретически нейтральным; ведь этот факт тоже должен быть теоретически осмыслен. К тому же хочешь — не хочешь, а критерием истинности теории является все же практика, и если последняя отклонилась от первой, то что может дать основание для утверждения прямо противоположного — об истинности теории и ложности практики?

У Люксембург можно выделить два подхода к ответу на этот вопрос. Первый связан с объяснением поведения социал-демократии, отклонения этого поведения от требований теории, так сказать, не выходя за рамки партии, абстрагируясь

от представляемого ею класса. Ответ в данном случае сводится к следующему: у партии было знание того, как следует вести себя, но не обнаружилось достаточной воли, чтобы действовать в соответствии с этим знанием. «Германская социал-демократия в течение полувека собирала в изобилии плоды теоретического познания марксизма; их соками она вырастила могучую организацию. Но когда для нее пришел час величайшего исторического испытания... она обнаружила полное отсутствие второго жизненного элемента рабочего движения, — действительной воли, без которой можно только *понимать* историю, но не *делать* ее»³⁸.

Естественно, такая позиция позволяла сохранить оптимизм по отношению к существующей партии: ведь отсутствующую «действительную волю» можно приобрести, ведь это — дело наживное. Но при этом остается все же открытым вопрос: почему класс, его организованная часть не только мирится с тем, что представляющая его организация не проявляет необходимых качеств для отстаивания его интересов, но и прямо поддерживает поведение этой организации, направленное, казалось бы, против его интересов?

Люксембург не уходит от этого неприятного вопроса, и здесь мы сталкиваемся со вторым ее подходом к проблеме соотношения теории и практики рабочего движения. Здесь речь уже идет не только об организации, претендующей на политическое представительство класса, но и о самом классе. Не только социал-демократия, но и весь пролетариат (и прежде всего его организованное ядро) не проявил необходимой воли и идейно-политической самостоятельности, пошел на поводу у националистической буржуазии. Почему же **так произошло?** И почему — что самое главное — случившееся можно и нужно считать не проявлением сущности рабочего движения, его определенной формы, а несущественным и вполне преодолимым отклонением от этой сущности?

На все вопросы такого рода Люксембург отвечает, руководствуясь одной из основных своих теоретических посылок, — тезисом, согласно которому неизбежные слабости и ошибки рабочего движения могут быть преодолены и исторически изжиты только в процессе самого движения, его стихийного развертывания, только на основе практического опыта и извлечения уроков из него. Пролетариат дал себя провести, пролетариат совершил ошибку. Но ничего фатального здесь нет; это такие ошибки, через которые и пролегал путь к окончательной победе. «Его (пролетариата. — И. К.) ...единственный учитель — исторический опыт, его тернистый путь к освобождению покрыт не только неизмеримыми страданиями, но и бесчисленными ошибками... Падение социалистического пролетариата в настоящую мировую войну не

имеет себе равных, оно является несчастьем для всего человечества. Но социализм погибнет только тогда, если мировой пролетариат не захочет понять глубины этого своего падения и ничему из этого не научится»³⁹.

Такой подход позволяет, конечно, сохранить оптимизм и дает силу для отстаивания революционной линии даже в самые неблагоприятные времена. В таком подходе, далее, заложена верная мысль о том, что никакое прогрессивное движение не реализуется прямолинейно, без исторических зигзагов, попятных движений и т. п. Но в таком подходе есть и опасность превращения исторического оптимизма в оптимистический самообман, в опасность размывания критериев оценки исторических фактов и событий, стирания границ между ошибками классов и партий (т. е. поведением, не соответствующим их интересам) и их объективными интересами, подведения под категорию ошибки того, что является вовсе не ошибкой, а безошибочно-точным проявлением подлинных интересов. Так и произошло в данном случае у Люксембург, провозгласившей всего лишь «ошибкой» блокирование пролетарских организаций с правящими классами.

Но в том-то и гигантское значение кризисных ситуаций в истории (прежде всего войн и революций), что они предельно обнажают все интересы, срывают все прикрывающие их в мирное время словесные идеологические покровы, заставляют их проявляться в реальном поведении классов и партий; кризисные ситуации — это и есть социальная практика в ее чистом, сущностном виде, та практика, которую мы называем критерием истины. Вот почему для Ленина поведение социал-демократических пролетарских организаций и представляемого ими слоя рабочих было не ошибкой, а проявлением националистических интересов — таким проявлением, после которого любой оптимизм, любая надежда на выздоровление и возрождение данного слоя и данных организаций выглядели в его глазах прекраснотушной фразой, вуа-лизирующей действительное положение дел, наивным самообманом, прикрывающим буржуазный и оппортунистический обман. Блокирование социал-демократии с правительствами уже само по себе было окончательным итогом, подведением черты, и задача теоретиков теперь могла заключаться лишь в том, чтобы осмыслить этот итог, понять, из чего, из каких тенденций он вырос. Отсюда одна из основных ленинских теоретических идей периода войны о связи социал-шовинизма с довоенным оппортунизмом. Но отсюда же отсутствие указания на такую связь у Люксембург, подводившей «измену» социал-демократии под понятие ошибки, которую можно исправить, а не окончательного итога, который исправить нельзя. Отсюда понятно, наконец, почему Ленин, в целом

очень высоко оценив брошюру Люксембург «Кризис социал-демократии», считал, что «главным недостатком» этой брошюры «является умолчание о связи социал-шовинизма... с оппортунизмом» (т. 30, с. 2). Более того, Ленин уже само такое умолчание считал «теоретически неверным», ибо «нельзя объяснить «измены», не поставив ее в связь с оппортунизмом, как направлением, имеющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала» (т. 30, с. 3).

До тех пор, пока Люксембург сохраняла оптимизм относительно существующих пролетарских организаций, пока связывала свои надежды с существующими формами рабочего движения, пока она ограничивалась указанием на «ошибку» и «измену», — до тех пор такой ход мысли она принять не могла. Но это означало, что и ее объяснение «ошибки» неизбежно должно было утратить всякую конкретность: любой теоретический анализ, если он избегает при объяснении неожиданных явлений вторгаться в сферу интересов, неизбежно сводится (у Каутского мы это уже могли наблюдать) к попыткам уточнения самых общих понятий и категорий и их взаимосвязи без всяких шансов на сколько-нибудь содержательное продвижение по этому пути. Мы видим, как мысль Люксембург, стремящаяся проникнуть в глубинные причины «ошибки» пролетариата, вытесняется в сферу предельно общих рассуждений о соотношении объективного и субъективного в исторической деятельности рабочего класса, пытается нащупать более тонкие связи и переходы между тем и другим, видим, как она буквально «ввинчивается» в эту диалектику общих понятий, но не может углубиться в нее дальше установления той немудреной истины, что и объективное, и субъективное играют важную роль, что не только первое влияет на второе, но и второе на первое (причем, как и всегда в таких случаях, когда анализ осуществляется в обход конкретного исследования объективных интересов и происходящих здесь сдвигов, акцент делается на влиянии субъективного на объективное, на роли «субъективного фактора»⁴⁰, который незаметно для теоретика наделяется способностью преодолевать неподатливость «объективного фактора»).

Если бы Люксембург была кабинетным мыслителем, то она, наверное, этим абстрактно-общим планом анализа и ограничилась бы. Но она была не просто теоретиком, но и практиком, политическим деятелем. И поэтому она должна была пытаться не только объяснить, что же произошло с пролетариатом и социал-демократией, почему один совершил ошибку, а другая — измену, но и показать, что конкретно должна была делать социал-демократия в условиях войны, в чем должно было заключаться «безошибочное» поведение пролетариата, соответствующее его подлинным интересам. И тут мы обнаруживаем удивительную вещь: программа, пред-

лагаемая Розой Люксембург рабочему классу и призванная исправить его ошибку, сама приспособлена к этой ошибке, вынуждена считаться с ней, как с фактором отнюдь не субъективного свойства! Реальный интерес верхнего слоя пролетариата, обойденный в теоретическом анализе Люксембург, заставил ее считаться с собой при выработке практически-политической линии. Природа, изгнанная в дверь, и здесь нашла свое окно.

Роль социал-демократии в войне, рассуждает Люксембург, заключается не в том, чтобы выступать в защиту существующего классового государства (как правые социалисты) и не в том, чтобы «молчаливо отойти в сторону, пережидая окончания бури» (как каутскианцы), а в том, «чтобы проводить самостоятельную классовую политику»⁴¹. Что же означает такая политика, какой она должна быть, учитывая, что речь идет о политике в специфических условиях войны? Каким образом должны сочетаться в ней интернационально-классовые и национальные интересы — вопрос, перед которым и капитулировал II Интернационал?

Вот ответ Люксембург (приводим его с максимально возможной полнотой):

«...Социал-демократы обязаны защищать свою страну в момент большого исторического кризиса. И тяжкая вина социал-демократической фракции рейхстага заключается в том, что... она в час величайшей опасности оставила под ударами свое отечество. Первым ее долгом по отношению к отечеству в тот час было: показать истинную подоплеку этой империалистической войны, разорвать сеть патриотической, империалистической лжи, при помощи которой опутывали обманом отечество; громко и внятно заявить, что для немецкого народа в этой войне равнозначны и победа и поражение; самым решительным образом противиться зажатию отечества в тиски осадного положения, провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и участия народа в решении вопросов войны и мира; требовать со всей настойчивостью продления заседания народных представителей на время всей войны, чтобы обеспечить контроль народных представителей над правительством и контроль народа над народными представителями; требовать немедленного устранения всех ограничений политических прав, так как только свободный народ может защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе, направленной на сохранение Австрии и Турции, т. е. реакции в Европе и в Германии, старую действительно национальную программу патриотов и демократов 1848 года, программу Маркса, Энгельса и Лассалья — лозунг единой великой немецкой республики. Это знамя должно было быть выдвинуто впереди страны, действительно национальное, действительно свободное, отвечающее как лучшим традициям Германии, так и международной классовой политике пролетариата.

...Таким образом, трудная дилемма между интересами отечества и международной солидарностью, тот трагический конфликт, который наши парламентарии с «тяжелым сердцем» разрешили в пользу империалистической войны, был лишь простым воображением, буржуазной националистической фикцией. Отечественные и классовые интересы пролетарского Интернационала находятся как при войне, так и при мире в полной гармонии. Те и другие требуют энергичного развертывания классовой борьбы и упорной защиты социал-демократической программы»⁴².

Мы сделали эту длинную выписку, чтобы лучше видна была глубокая внутренняя противоречивость позиции Люксембург. В самом деле: пытаюсь сформулировать классовую пролетарскую позицию применительно к условиям войны, прочертить линию поведения рабочего класса как самостоятельного исторического субъекта, теоретик германских левых достигает результата прямо противоположного: предлагаемая ею программа ничего специфически пролетарского в себе не несет; это буржуазная национальная программа, от которой немецкая буржуазия давно отказалась и выполнение которой Люксембург «поручает» рабочему классу. Но тем самым пролетариат как самостоятельный революционный субъект, использующий созданный войной кризис для прокладывания небуржуазного, пролетарского русла общественного развития, в концепции Люксембург пропадает.

В. И. Ленин, анализируя брошюру Р. Люксембург (выпущенную ею, как известно, под псевдонимом «Юниус»), вскрывая внутреннее противоречие ее концепции, заметил, что оно «звучит почти невероятно» и тем не менее является фактом (см. т. 30, с. 10). «Юниус... с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистический характер данной войны, в отличие от национальной, а с другой стороны, впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаюсь за волосы притянуть национальную программу к *данной, ненациональной* войне!» (там же). А чуть ниже В. И. Ленин разъясняет, что в выдвигаемой Розой Люксембург программе «защиты отечества», внешне революционной и противостоящей буржуазным и оппортунистическим программам, ничего специфически пролетарского, ничего антиимпериалистического нет, ибо германская республика «вела бы *такую же* империалистическую войну», как и германская империя (см. т. 30, с. 14).

В чем же причина противоречивости позиции Люксембург? Ленин отвечает: в неконкретности, неисторичности анализа, в скованности мышления старыми формами противоречий, иными словами, в недостаточной диалектичности методологии. «Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации», — писал он (т. 30, с. 13), а у Люксембург этого нет. Ссылаясь на лозунги 1848 г. (а в другом месте она, пытаюсь обосновать единство национальной и классовой линии, указывала на Великую французскую революцию, в которой «защита отечества» была частью революционной программы⁴³), Люксембург, по существу, отождествляла деятельность пролетариата в качестве субъекта с аналогичной деятельностью буржуазии в прошлом, неисторически накладывала друг на друга разные исторические эпохи, разные условия деятельности разных субъектов. «В 1793 и 1848 гг., — подчеркивает в данной связи В. И. Ленин, — и во Франции, и в Германии, и во всей Ев-

ропе объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция. Этому объективному историческому положению вещей соответствовала «истинно национальная», т. е. национально-буржуазная программа тогдашней демократии, которую в 1793 г. осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодално-династическим войнам противопоставлялись тогда, объективно, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи» (т. 30, с. 12—13).

Принципиальное теоретико-методологическое значение здесь имеет прежде всего разграничение Лениным двух эпох — той, в которой революционным историческим субъектом выступала буржуазия, и той, где таким субъектом выступает пролетариат. В условиях империализма и мировой войны, когда рабочий класс давно уже отпочковался от буржуазии и противостоит ей, он не может сыграть самостоятельной роли, выступая со старой революционной программой буржуазии; такое выступление будет лишь его самоподчинением ей, помощью в решении ее исторических задач. С точки зрения пролетариата движение вперед в данную эпоху может осуществляться только посредством пролетарской революции. Или подчинение буржуазии, или борьба против нее за свою, пролетарскую, программу — третьего не дано. «Империалистически-буржуазной войне, войне высокоразвитого капитализма, — возражал Розе Люксембург В. И. Ленин, — объективно может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война против буржуазии, т. е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть...» (т. 30, с. 13).

Утрата Розой Люксембург пролетариата в качестве самостоятельного исторического субъекта, невольное подчинение его интересам буржуазного прогресса обусловлено, разумеется, не только и даже не столько чисто методологическими причинами. Дело в том, что сама методология, ее выбор или самостоятельная разработка (к этому вопросу мы еще вернемся) не произвольны, они уходят корнями в социальную реальность. В том, что Люксембург предлагала рабочему классу национальную буржуазно-демократическую программу, сказались ее ориентация не только на широкие пролетарские массы, но и на верхний привилегированный слой рабочего класса. Это была попытка приспособить революционную программу к неревolutionной, националистической части класса, найти в ней, в ее реальных настроениях точки опоры для революционной пропаганды и агитации. «...Юниус, — пишет В. И. Ленин, — хотел, по-видимому, осуществить нечто вроде меньшевистской, печальной памяти, «тео-

рии стадий», хотел начать проводить революционную программу с ее «наиболее удобного», «популярного», приемлемого для мелкой буржуазии конца. Нечто вроде плана «перехитрить историю», перехитрить филистеров. Дескать, против лучшей обороны истинного отечества никто не может быть: а истинное отечество есть великогерманская республика, лучшая оборона есть милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз принята, такая программа сама собой повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции» (т. 30, с. 16).

В. И. Ленин говорит, правда, о приспособлении Розой Люксембург революционной программы не к рабочей аристократии, а к мелкой буржуазии. Но ведь мелкобуржуазная позиция в условиях империализма, когда рабочее движение расколото, как раз и заключается в колебании между революционной и реформистской частью пролетариата, примыкающей к буржуазии. Социально-классовая основа концепции Люксембург, в конечном счете, мелкобуржуазная, но конкретное проявление этой мелкобуржуазности оригинально и своеобразно. Политической программе Р. Люксембург свойственно мелкобуржуазное по своей природе сочетание буржуазного демократизма и пролетарской революционности. Но то и другое уходят своими корнями во внутренние процессы рабочего движения. Революционность этой программы имела своим источником интересы массы непривилегированных рабочих; ее буржуазно-демократическая окраска была обусловлена неготовностью выдающейся деятельности международного рабочего движения признать неревolutionность верхнего пролетарского слоя и попыткой приспособить к его националистическим интересам революционную программу, попыткой сохранить его как самостоятельного субъекта истории. Этой ориентацией на противостоящие друг другу отряды рабочего класса, из которой выросла концепция Люксембург, и обусловлена, в конечном счете, ее непоследовательность, незавершенность, определенная скованность в ряде принципиальных вопросов: и в вопросе о желательном для пролетариата исходе войны (лозунг поражения своего правительства явно не совмещался с умонастроениями мелкой буржуазии и мелкобуржуазной рабочей аристократии, и Люксембург его поэтому не выдвигает, доказывая, как мы видели, что и победа, и поражение одинаково вредны для рабочего класса⁴⁴); и в организационном вопросе, где ориентация на верхний слой пролетариата оказывала огромное сдерживающее действие, препятствовала отмежеванию от существующих организаций и замене их новыми, а отсутствие таких новых, нелегальных организаций в значительной степени предопределяло непоследовательность революционной линии⁴⁵; и, наконец, в вопросе о практических революцион-

ных действиях, где Люксембург при сохранении надежд на рабочую аристократию не могла полностью солидаризироваться с ленинской программой, предполагающей отмежевание от этого слоя.

Подведем итоги.

В своем исследовании империализма и его следствий Роза Люксембург пыталась осмыслить империализм как определенное экономическое и социально-политическое всемирное целое. Фиксируя это целое, она пыталась вместе с тем понять внутренне присущие ему закономерности развития, осмыслить его роль и место в рамках движения капитала к своему историческому пределу, его влияние на мировой революционный процесс и вытекающие отсюда задачи международной социал-демократии.

Но, ставя вопрос об империализме как всемирной целостности, теоретик немецких левых не сумела дать конкретного анализа этой целостности, не сумела охарактеризовать ее качественную новизну. Империализм у Люксембург предстает в виде крайне абстрактного мирового единства, которое интересует ее лишь в том смысле, что оно означает, по ее мнению, конец капитализма и неизбежность пролетарской революции. Иными словами, Люксембург замечала в империализме только то, что являлось, по ее мнению, симптомом предстоящего «краха» капиталистической системы. Все остальные (причем действительно новые!) факторы, которые свидетельствовали о сложном характере интересующего Люксембург движения, не замечались или опускались, как несущественные и преходящие. В результате вне теоретического поля зрения выдающейся революционерки оказались два крайне важных явления, которые существенно изменяли конкретный маршрут мирового революционного процесса.

Во-первых, в ее абстрактную, искусственно выпрямленную схему движения капитализма к своему крушению и к пролетарской революции не вписывался такой факт, как возникновение привилегированных неревolutionционных, националистически ориентированных прослоек рабочего класса. Этот факт оказался у Люксембург теоретически совершенно не освоенным, но так как не считаться с ним в силу его эмпирической очевидности было невозможно, то она вынуждена была, как мы видели, косвенно ввести его в свою концепцию, чтобы сделать последнюю более реалистичной. Но в результате приспособления пролетарской революционной точки зрения к слою, который объективно эту точку зрения уже покинул, получилось размывание самой пролетарской точки зрения.

Во-вторых, в схему Люксембург не вписывалось национально-освободительное движение в колониях, что нашло выражение в ее отрицании самой возможности национальных

войн при империализме (так как мир поделен между несколькими великими державами, то любая национальная война неизбежно задевает интересы одной из держав и превращается в империалистическую)⁴⁶. Тем самым мировой революционный процесс оказывался вовсе не мировым: он ограничивался пролетарским движением исключительно в развитых странах (обусловленным общим движением мирового капитализма к своему конечному пункту), которое после своей победы освободит и колонии. Но тем самым оказывалось теоретически не освоенным уже *начавшееся* национально-освободительное революционное движение в колониях, уже *начавшееся* превращение народов отсталых зон мира в субъекта истории.

Теоретическое освоение этого факта вообще выходит за рамки II Интернационала и связано с ленинизмом как принципиально новой системой идей, в которой мировой революционный процесс действительно предстает как мировой, как процесс, осуществляемый из разных исходных пунктов и в разных направлениях, имеющих разные уровни и разное историческое содержание, но при всех своих различиях единый по своей антиимпериалистической нацеленности. «Социальная революция, — писал В. И. Ленин, — не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (т. 30, с. 112).

можно такое положение, — спрашивает он, — чтобы два взаимно противоположных класса одновременно усиливались не только абсолютно, но и относительно?» И отвечает: «Это кажущееся противоречие разрешается тем, что эти оба класса постоянно усиливаются в двух совершенно различных областях. Сила капиталистов непрерывно растет в области экономики, сила же пролетариата — в политике» (Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 577—578).

⁷⁷ «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом... что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д.» (В. И. Ленин, Т. 27. С. 415).

⁷⁸ В отличие от Каутского, Ленин не считал мелкую буржуазию не заинтересованной в войне, а точнее — в империалистической политике, вызвавшей войну. «Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции»..., — возражал Ленин Каутскому. И далее: «Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации» (т. 26, с. 232—233).

⁷⁹ О ленинской концепции партии и отношении к этой концепции ведущих теоретиков II Интернационала см.: Клямкин И. М. Революционный субъект и революционное творчество: Критический анализ некоторых теоретических концепций II Интернационала. М., 1985, деп. в ИНИОН АН СССР 12.06.85, № 21092.

⁸⁰ Вычеркнута, в частности, мысль о том, что революционное воспитание масс осуществляется непосредственно в революционной борьбе: «Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» (В. И. Ленин, т. 30, с. 314). Вычеркнуто и место, где Ленин непосредственно совмещает психологию западноевропейского верхнего слоя рабочих с событиями 1905 г. в России с целью извлечения из этих событий уроков для рабочего движения в Европе: «...Необходимо, чтобы передовой отряд рабочих не понимал под классовой борьбой борьбу за интересы небольшого верхнего слоя, как это слишком часто старались внушить рабочим реформисты, но чтобы пролетарии выступали действительно в качестве авангарда большинства эксплуатируемых, вовлекали это большинство в борьбу, как это имело место в России в 1905 году и как это должно произойти, и, вне всякого сомнения, произойдет в грядущей пролетарской революции в Европе» (там же, с. 315).

⁸¹ Polan A. Lenin and the end of politics. L., 1984. P. 174, 176.

⁸² См. об этом: Кларк Р. Новейшая технология. Враг или союзник рабочих? // Проблемы мира и социализма. 1983. № 3.

⁸³ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Reihe II. Bd. 1. S. 333.

⁸⁴ Вот характерное для послевоенного Каутского высказывание, в котором его социально-классовая ориентация (после того, как раскол рабочего движения стал фактом, когда возникли коммунистические партии и формулу «единства» в ее прежнем виде пришлось оставить) простапа-

ет в определенной и ясной форме: «Пролетариат ведь, в существе своем, не составляет вполне единого целого... Он распадается на два слоя. Один из них... образует процветающую часть пролетариата, его «аристократию», умеющую столь успешно бороться с принижаящими тенденциями капитализма, что постепенно борьба с ним становится для нее уже не борьбой против нищеты, но борьбой за власть.

Наряду с этими хорошо дисциплинированными, вышколенными, боеспособными отрядами имеется, однако, большая армия пролетариев, поставленных в столь неблагоприятные условия, что они не в состоянии были организоваться и преодолеть угнетающие тенденции капитализма... Пролетарская революция пробуждает к политической жизни и эти слои... Для них классовая борьба — это борьба с нищетой. Но осаждаемый нищетой ждать не может... Он гнул покорно спину, покуда чувствовал себя бессильным. Оказавшись у власти, он стремится немедленно положить конец всякому страданию, всякому угнетению. Невежественный, не имеющий никакого понятия о законах экономического развития, он полагает, что силой можно сделать все» (Каутский К. Пролетарская революция и ее программа. Берлин, 1922. С. 113).

Глава третья

¹ См., напр., ее статью «Английские очки» (в кн.: Люксембург Р. Избр. соч. М.; Л., 1928. Т. 1, ч. 1. С. 113—128).

² Там же. С. 171.

³ За рамки пролетариата Р. Люксембург выносит только опустившиеся, обнищавшие слои рабочего класса: «Эти слои, опустившиеся ниже уровня своего класса, выпадают из него и переходят в ряды люмпен-пролетариата, а вместе с тем исчезают с поля непосредственной деятельности социал-демократии» (там же).

⁴ Люксембург Р. Избр. соч. М.; Л., 1928. Т. 1, ч. 1. С. 204.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Каутский К. К критике теории и практики марксизма. С. 188.

⁷ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М., 1959. С. 78.

⁸ Люксембург Р. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Киев, 1906. С. 101—102.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 107—108.

¹¹ Там же. С. 34—35.

¹² Там же. С. 70.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ Там же. С. 74.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ Нельзя сказать, что Р. Люксембург вообще не замечала реформистских тенденций в германской социал-демократии. После Мангеймского (1906 г.) съезда партии, в котором она участвовала, вернувшись из революционной России, Люксембург все чаще начинает осознавать, что положение российского революционного опыта на устоявшуюся практику партийной деятельности в Германии — далеко не простое дело. В ее письмах появляются сомнения в том, что партийное руководство окажется способным к руководству революционным движением, выходящим за парламентские рамки (см. об этом: Дробкин Я. С. Новые публикации в ГДР о Карле Либкнехте и Розе Люксембург // Рабочий класс и современный мир. 1984. № 1. С. 147). Но и здесь мы сталкиваемся с той же логикой, что и в отношении профсоюзов: Люксембург говорит не о партии как таковой, а только о ее руководстве; что касается рядовых членов, широких пролетарских масс, то они, по ее мнению, уже внутренне преодолели парламентские иллюзии.

Есть у этого вопроса и другая сторона. Выступая против бюрократических тенденций в существующих организациях немецкого пролетариата, противопоставив им организации, вырастающие из стихийного революционного творчества масс, Роза Люксембург не дала конкретного ответа на вопрос о типе организации, соответствующей такому творчеству. Если учесть, что она не приняла и ленинский тип партийной организации, то можно сделать вывод об определенной абстрактности ее подхода к данной проблеме, о тенденции к растворению пролетарской организованности в противостоящей бюрократической заорганизованности пролетарской стихийности.

¹⁷ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. С. 20.

¹⁸ Люксембург Р. Накопление капитала. М., 1924. С. 358, 374—375, 366, 561.

¹⁹ Там же. С. 376.

²⁰ См.: Там же. С. 342—433, 489—490.

²¹ С этим общим подходом Р. Люксембург к империализму и его исторической роли непосредственно связано и довольно своеобразное отношение теоретика немецких левых к колониальной политике: категорически отрицая ее культурно-цивилизаторское истолкование на либерально-бернштейнманский манер, Р. Люксембург видела своего рода «положительное» значение ее в том, что она готовит собственную гибель, крушение всей империалистической системы: «...Безжалостное шествие капитала по свету, сопровождающееся всевозможными способами насилия, грабежа и подлости, имеет одну светлую сторону: оно подготавливает условия для собственной гибели, оно устанавливает капиталистическое мировое господство, за которым лишь может последовать социалистическая мировая революция. Это — единственная культурная прогрессивная сторона в так называемой цивилизаторской миссии в диких странах» (Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М., 1924. С. 102—103).

²² Люксембург Р. Накопление капитала. С. 433.

²³ См.: Айзин Б. А. Роза Люксембург — борец против германского милитаризма и империализма (1913—1914 гг.) // Европа в новое и новейшее время. М., 1966. С. 521; Он же. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны: 1907—1914. М., 1974. С. 250; Яжборовская И. С. Роза Люксембург и колониальный вопрос // Народы Азии и Африки. 1971. № 2; Laschitzka A., Radczun G. Rosa Luxemburg: Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1971. S. 299 ff; Haupt G. Des Kongress fand nicht statt. Die sozialistische Internationale 1914. Wien; Frankfurt; Zürich, 1967. S. 121—122.

²⁴ См., напр.: Люксембург Р. Накопление капитала. С. 466.

²⁵ Там же. С. 489.

²⁶ Там же. С. 576.

²⁷ Там же. С. 559—560.

²⁸ См.: Там же. С. 470.

²⁹ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. С. 23.

³⁰ Цит. по: Евзеров Р. Я., Яжборовская И. С. Роза Люксембург. М., 1974. С. 203.

³¹ Люксембург Р. Накопление капитала. С. 477.

³² См.: Люксембург Р. Социальная реформа или революция. С. 24. «...Союзы предпринимателей, — писала Люксембург, полемизируя с Бернштейном, — следует рассматривать как переходную стадию, как определенную стадию капиталистического способа производства... В конечном счете картели являются средством для того, чтобы задержать роковое падение нормы прибыли в отдельных отраслях производства. Каким же методом пользуются картели для этой цели? В сущности он состоит лишь в том, что часть накопленного капитала оставляется неиспользованной... Но... как только рынок сбыта начнет уменьшаться, поскольку мировой рынок разовьется до предела и будет исчерпан конкурирующими капиталистическими странами... вынужденное неупотребление части ка-

питала примет такие размеры, что лекарство само превратится в болезнь, капитал, уже значительно обобществленный благодаря организации, снова превратится в частный капитал. Раз уменьшается возможность захватить местечко на рынке, всякая частная доля капитала предпочитает искать счастья на свой страх и риск. В таком случае организации должны лопнуть, как мыльные пузыри, и снова уступить место свободной конкуренции, но в усиленной форме» (Люксембург Р. Социальная реформа или революция. С. 24.) Тут же Р. Люксембург говорит о том, что картели обостряют ряд противоречий: «между производителем и потребителем», «между способом производства и присвоением», «между интернациональным характером капиталистического хозяйства и национальным характером капиталистического государства» (там же, с. 25). Но все это в рамках концепции Люксембург — продолжение противоречий капитализма свободной конкуренции; здесь не фиксируется новая форма внутреннего противоречия самого производства между свободной конкуренцией и монополией.

³³ В сохранившемся плане ленинской статьи первый пункт сформулирован так: «14 лет назад. Народники против марксистов. Легальные марксисты и социал-демократы» (Ленинский сб. Т. 22. С. 347). Есть и другое, еще более убедительное свидетельство, что Ленин усматривал прямую связь между книгой Люксембург и полемикой с народниками. «Читал новую книгу Розы «Die Akkumulation des Kapitals», — писал он в одном из писем. — Наврала жестоко! Переврала Маркса. Я очень рад, что и Паннекук и Экштейн и О. Бауэр ее единодушно осудили и сказали против нее то, что я в 1899 г. говорил против народников» (В. И. Ленин. Т. 48. С. 173). Это замечание надо, разумеется, оценивать конкретно-исторически. Оно свидетельствует о том, что в 1913 г. Ленин не соглашался с тем обоснованием экономического предела капитализма, которое давала Люксембург, и только в этом он высказывал солидарность с ее критиками. Но это не означает, что он соглашался, допустим, с kautskianской точкой зрения О. Бауэра, снимавшего сам вопрос об экономической границе капитализма и переводящего его в социально-политическую плоскость. Просто в то время данная проблема не рассматривалась, очевидно, В. И. Лениным, как актуальная. К тому же уход kautskianцев из экономики в политику, отрыв одного от другого не проявлялись еще достаточно определенно и отчетливо. Это станет явным лишь во время войны.

³⁴ Ленинский сб. Т. 22. С. 346.

³⁵ Люксембург Р. Восстановление Интернационала // Интернационал: Ежемесячный журнал, основанный Розой Люксембург и Францем Мерингом. М.; Пг., 1923. С. 14.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ Люксембург Р. Накопление капитала. С. 460.

³⁸ Люксембург Р. Восстановление Интернационала. С. 20.

³⁹ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М., 1923. С. 2—3.

⁴⁰ «Прогрессивности такого рода (как измена социал-демократии и «ошибка» пролетариата. — И. К.), — пишет Люксембург, — конечно, не игра случая, в основе их должны лежать глубокие и широкие объективные причины. Но эти причины могут лежать также в ошибках руководящих пролетариата — социал-демократии, в недостатке нашего боевого духа, нашего мужества, верности нашим убеждениям. Научный социализм научил нас понимать объективные законы исторического развития. Люди строят свою историю не по собственному желанию. Но они строят ее сами. Пролетариат в своих поступках зависит от степени зрелости общественного развития, но и общественное развитие не происходит независимо от пролетариата. Пролетариат является его творцом и причиной в такой же степени, как его продуктом и следствием. И если мы не можем перескочить через общественное развитие, как человек через свою тень, то мы можем все же ускорить или замедлить его.

Социализм — первое народное движение в мировой истории, которое ставит себе целью и призвано к этому историей, внести в общественный строй людей здравый смысл, последовательную мысль и свободную волю; поэтому Фридрих Энгельс называет окончательную победу социализма прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы. Но этот «прыжок» также связан железными законами истории, тысячей ступенек предыдущего мучительного и чересчур медленного развития. Он никогда не может быть выполнен, если в горячий металл созданный развитием и материальными условиями, не будет брошена зажигающая искра осознанной воли народных масс. Победа социализма не явится как рок с неба; она может быть завоевана лишь в результате продолжительных могучих столкновений между старыми и новыми силами. Столкновений, в которых интернациональный пролетариат под руководством социал-демократии сумеет взять в руки собственную свою судьбу, укрепиться в руководстве общественной жизнью и из безвольного мяча в руках истории превратиться в ее зоркого кормчего» (Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 10). Мы специально сделали эту длинную выписку, чтобы показать, как даже сильная мысль может улететь общими рассуждениями, подменив ими конкретный анализ и не замечая этой подмены.

⁴¹ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 87.

⁴² Там же. С. 90—91.

⁴³ Там же. С. 89.

⁴⁴ На это тоже обратил внимание В. И. Ленин, анализируя позицию Р. Люксембург. «Та же ошибка, — пишет он, — в рассуждениях Юниуса на тему: что лучше, победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа. Если говорить о «революционном вмешательстве» пролетариата... то *обязательно* было поставить вопрос с *иной* точки зрения: 1) возможно ли «революционное вмешательство» без риска поражения? 2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство *своей* страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?» (т. 30, с. 15).

⁴⁵ «В брошюре Юниуса, — писал В. И. Ленин, — чувствуется *одиночка*, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе» (т. 30, с. 16).

⁴⁶ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 82—83.

Глава четвертая

¹ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М., 1959. С. 81.

² Luxemburg R. Gesammelte Werke. Berlin, 1974. S. 216.

³ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. С. 28.

⁴ Бернштейн Э. Социальные проблемы. М., 1901. С. 63.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 459.

⁶ Бернштейн Э. Социальные проблемы. С. 41.

⁷ Каутский К. К критике теории и практики марксизма. С. 31.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ См.: Там же. С. 31.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Бернштейн Э. Очерки истории и теории социализма. С. 333—334. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 428—429.

¹² См.: Бернштейн Э. Очерки истории и теории социализма. С. 337.

¹³ См. об этом: Водолазов Г. Г. Диалектика и революция: Методологические проблемы социальной революции. М., 1975; Плимак Е. Г. Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983.

¹⁴ Бернштейн Э. Социальные проблемы. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 51—52.

¹⁶ О некоторых аспектах этой темы см.: Пантин И. К. К анализу методологических аспектов ленинской политической теории // *Вопросы философии*. 1980. № 6; Он же. Метод политического мышления // *Ленин как политический мыслитель*. М., 1981.

¹⁷ О сильных и слабых сторонах анализа Каутским хода, движущих сил и перспектив российской революции 1905—1907 гг. см.: Клямкин И. М. К вопросу об оценке Э. Бернштейном и К. Каутским первой революции в России // *Рабочий класс и современный мир*. 1985. № 5.

¹⁸ Каутский К. К критике теории и практики марксизма. С. 29.

¹⁹ См.: Каутский К. Социальная революция. М., 1918. С. 50.

²⁰ Бернштейн Э. Очерки истории и теории социализма. С. 329—330.

²¹ Об отношении эмпиризма Бернштейна и догматизма Каутского к диалектике см.: Водолазов Г. Г. Диалектика и революция: Методологические проблемы социальной революции. М., 1975.

²² Правильный ответ на вопрос о противоречиях современного капитализма, пишет Ю. А. Красин, «требует не только признания, что капитализм и ныне чреват гибельными для него противоречиями, но и признания новых форм, в которых противоречия выступают» (Красин Ю. А. Ленин, революция, современность: Проблемы ленинской теории социалистической революции. М., 1967. С. 84).

²³ Storia del marxismo. Vol. 2: Il marxismo nell'età della Seconda Internazionale. Torino, 1979. P. 334.

Заключение

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 15.

² Там же. С. 13.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		3
Глава первая.	Эмпиризм Бернштейна — методология приспособления к империализму	10
	1. Рабочая аристократия и вопрос о субьекте социализма	10
	2. Колониальная политика и историческое право «высшей культуры»	20
	3. «Живая жизнь» против «спекулятивной диалектики»	26
	4. Почему Бернштейн голосовал за военные кредиты?	30
	5. Между «государственной» и «народной» политикой	35
Глава вторая.	Догматизм Каутского — методология примирения с бернштейнианством	
	1. В плену формулы единства	48
	2. Империализм: новое качество или количественная модификация старого?	58
	3. Об экономической границе капитализма	65
	4. Империализм и мировая война или догматизм под флагом новаторства	76

5. Политика против экономики		85
6. Ленинская теория империализма и некоторые методологические принципы критики каутскианства		95

Глава третья.	Роза Люксембург на пути к теоретическому освоению новой эпохи с позиций революционного марксизма	
	1. В защиту стихийности	111
	2. Империализм и революция (попытка творческого развития теории)	121
	3. Что же делать интернационалистам во время войны? (Методологические уроки ленинского анализа «брошюры Юниуса»).	130

Глава четвертая.	Диалектика против эклектики	
	1. Метод и теория (комментарий к старому спору)	142
	2. Что значит развивать диалектику?	153

Заключение		165
------------	--	-----

Библиографические ссылки и примечания		170
---------------------------------------	--	-----